

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА/LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.1>

КИТАЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ XX В. ЛИНЬ ЮЙТАН И ХРИСТИАНСТВО: ОПЫТ ОТТОРЖЕНИЯ ОТ ЦЕРКВИ

Научная статья

Дышенов А.В.<sup>1,\*</sup>

<sup>1</sup>ORCID : 0000-0003-0053-3184;

<sup>1</sup>Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Российская Федерация

\* Корреспондирующий автор (mr.graf3[at]gmail.com)

**Аннотация**

Настоящая статья ставит целью выявить особенности негативного восприятия Линь Юйтаном христианства, повлекшие его к исходу из Церкви, на примере книги-исповеди, духовной автобиографии «От язычника к христианину».

Научная новизна заключается в том, что впервые в отечественной науке проводится анализ причин, обусловившие религиозные «блуждания» писателя (от «детского» опыта христианской веры к переходу в язычество в студенчестве, в зрелости же — к некоему «симбиозу» с гуманизмом) и выраженные нами в рамках двух конфликтов: «богословие — вера», «христианство — язычество». Кроме того, в оборот российского китаеведения вводятся ранее неизвестные тексты, т.к. материалом для исследования послужили источники на английском и китайском языках.

Полученные результаты показали такие изъяны Церковной миссии в Китае в XIX–XX вв., как: отвержение национальной культуры, неудачная связь Церкви и государства в Опиумной войне, низкие нравы иностранных служителей.

**Ключевые слова:** современная китайская литература, Церковная миссия в Китае в XIX–XX вв., Линь Юйтан, книга-исповедь «От язычника к христианину», христианство.

20TH CENTURY CHINESE WRITER LIN YUTANG AND CHRISTIANITY: THE EXPERIENCE OF REJECTION FROM THE CHURCH

Research article

Dyshenov A.V.<sup>1,\*</sup>

<sup>1</sup>ORCID : 0000-0003-0053-3184;

<sup>1</sup>Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, Russian Federation

\* Corresponding author (mr.graf3[at]gmail.com)

**Abstract**

This article aims to identify the features of Lin Yutang's negative perception of Christianity, which led him to leave the Church, using the example of his confessional book, a spiritual autobiography, "From a Pagan to a Christian".

The scientific novelty lies in the fact that for the first time in Russian science, an analysis is being made of the reasons that determined the religious "wanderings" of the writer (from the "childhood" experience of the Christian faith to the transition to paganism in college, and in adulthood — to a kind of "symbiosis" with humanism) and expressed by us in the framework of two conflicts: "theology — faith", "Christianity — paganism". In addition, previously unknown texts are introduced into the circulation of Russian Sinology, since the material for the study was sources in English and Chinese.

The obtained results showed the shortcomings of the Church mission in China in the 19th–20th centuries, such as: rejection of national culture, unsuccessful relationship between the Church and the state in the Opium War, low morals of foreign ministers.

**Keywords:** modern Chinese literature, Church mission in China in the 19th-20th centuries, Lin Yutang, confessional book "From Pagan to Christian", Christianity.

**Введение**

Линь Юйтан (林语堂, 1895–1976), автор бестселлера «Китайцы. Моя страна и мой народ» (1935), философского труда «О важности жизни» (1937), а также романа «Мгновение в Пекине» (1939), за который он был номинирован на получение Нобелевской премии по литературе в 1975 г., является одним из самых восторженных писателей Китая XX в. и «самой нележкой для написания главой современной китайской литературы», по словам авторитетного литературоведа Ши Цзяньвэя [11].

Жизнь и деятельность писателя, действительно, рождает среди филологов (литературоведов и лингвистов), культурологов, философов и др. многие вопросы, например:

• для чего и как Линь Юйтан, будучи автором слова «юмор» (幽默) в современном китайском языке, настойчиво продвигает само явление и в литературу;

• с какой целью он основал литературные журналы «Лунь юй» (论语, в 1932 г.), «Ветер Вселенной» (宇宙风, в 1934 г.) и др., в которых публиковались произведения о юморе, о важности индивидуальности, о разных политических взглядах и др.;

· по какой причине между ним и Лу Синем, Го Можо, а также другими писателями «левого крыла» произошло несогласие, так что его творчество попало не только под их опалу, но с установлением КНР вообще оказалось под неофициальным запретом для соотечественников вплоть до 1979 г. и т.д.

Совершенно естественно, поиск ответов на эти и подобные вопросы призывает исследователя вступить на «зыбкую почву» — к изучению мировоззрения человека, и в случае с Линь Юйтано, ученые приходят-таки к выводу о даосских «корнях» его ментальности, равно и о даосских мотивах его литературного творчества. Так, многие представители *линсюэ* (林学, линьютановедение), такие как Ван Чжаошэн, Чэнь Пиньюань и др., склонны считать писателя «... ученым, находящимся под сильным влиянием даосской культуры» [13, С. 201]. Примечательно, но другая составляющая человеческого мировоззрения — религиозная, остается вне внимания специалистов: делается малый акцент на изучение особенности авторского понимания и толкования учения Христа, проводится мало изысканий в области анализа влияния христианства на его творчество и т.д. Мы предполагаем, что поиск ответов на вышеуказанные вопросы не может удовлетворяться областью философии и утверждением «даосскости» писателя, но должен уходить и в область его религиозного сознания, поскольку он сам проецирует себя человеком верующим, имевшим опыт волевого отхода и возвращения в христианство. Именно исследованию первой части данного опыта жизни Линь Юйтана — отторжению от Церкви — и посвящена настоящая статья, актуальность которой формируется важностью выяснения специфики негативного понимания и толкования автором христианской веры.

В соответствии с логикой в аргументации, ставятся следующие задачи:

- осветить религиозный «фон» писателя;
- выявить причины отторжения Линь Юйтана от Церкви в студенческие годы и в зрелости.

### Методы и принципы исследования

В основу методологии исследования положен комплексный подход, соединяющий биографический метод — при изучении религиозного «фона» писателя, а также историко-литературный и герменевтический подходы для анализа изъянов Церковной миссии в Китае в XIX–XX в. и авторского отношения к ним.

Материалом для исследования послужили собственно произведение писателя «От язычника к христианину» (1959), цитаты из которого в работе представлены в авторском переводе, а также наиболее известный его труд — «Китайцы. Моя страна и мой народ», русскоязычное издание было подготовлено Н. А. Спешневым и опубликовано в 2010 г., в предисловии им даются биографические сведения об авторе и освещаются особенности его творчества: устремленность к диалогу, внимание к юмору и др.; о чем также пишет в 2019 г. Д. Н. Гиргель в статьях: «Концепция «юмош» («юмор») в философии Линь Юйтана» и «Либеральные интеллектуалы журнала «The China Critic» (1928–1946) о китайской культуре». Китайские исследователи делают упор на изучении мировоззренческих позиций писателя, говоря о его уклоне в даосизм: Ван Чжаошэн в монографии «Линь Юйтан и китайская культура» (2007), Чэнь Пиньюань в работе «В столкновении Восточной и Западной культур» (2014). Монография востоковеда В. Г. Дацышена «Христианство в Китае: история и современность» (2007) и статья Н. А. Мязина «Особенности распространения протестантизма в Китае в XX–XXI вв.» (2024) подтверждают мнение о негативном восприятии Церкви в глазах рядового китайца во время Опиумных войн.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использовать материалы и выводы при написании монографий и учебников, в преподавании курсов по литературе и культурологии Китая.

### Обсуждение

#### 3.1. Религиозный «фон» писателя

Линь Юйтан родился 10 октября 1895 г. в наиболее христианизированном регионе Цинского Китая — ныне пров. Фуцзянь, недалеко от крупного торгового города-порта Сямынь (Амой), бывшем также местом базирования миссионерских обществ в их дальнейшем апостолате вглубь страны. В семье будущего писателя исповедовали чужеземное христианство уже начиная с его бабушки по отцовской линии, сам же отец — Линь Чжичэн (林至诚, 1855–1923) служил деревенским пастором в Банызы. Автор с теплотой вспоминает свой период «детской» веры: «Вечером, перед отходом ко сну, мы всей семьей молились, и именно в таком доме христианского благочестия, любви и согласия, с четко отлаженным распорядком дня, мы и росли» [1, С. 22].

В 1912–1916 гг. Линь Юйтан обучался в престижном «Гарварде Востока» — христианском университете Св. Иоанна в Шанхае, готовивший специалистов иностранных (западных) языков. Поначалу он выбрал богословское направление, намереваясь продолжить дело родителя, но после года обучения разочаровался в теологии и перевелся на факультет гуманитарных наук; «храм науки» послужил местом его отторжения от Церкви: «Меня отпугнула теология церквей. Меня отталкивало то, что было холодно-интеллектуально, высокомерно-дедуктивно и даже немилосердно по отношению к Богу» [1, С. 236].

В 1916 г., устроившись преподавателем английского языка в университете Цинхуа, Линь Юйтан покинул поликультурный Шанхай и переехал в сердце древнего, языческого Китая — Пекин, где само место и род деятельности открыли ему недостатки полученного «христианского» образования: прекрасно ориентируясь в иностранной, «западной» культуре, он плохо знал свою, «родную». Он погрузился в изучение народных традиций и верований, чтение китайской классики и философских трактатов, в результате чего им определяется основа своего мировоззрения — «язычество» конфуцианства и даосизма. Примечательно, автор в эти годы все же продолжает проводить среди студентов воскресные библейские занятия.

В 1919 г. Линь Юйтан женился на христианке Ляо Цуйфэн (廖翠凤); верная спутница в «земной» жизни, она была весьма набожным человеком (вероятно, ей и принадлежит главная заслуга в возрождении у писателя интереса к жизни «духовной» в лоне Церкви): «Моя жена всегда читала Библию перед сном и посещала церковные службы, где могла. Я восхищался и тайне завидовал истинному духу благочестия в ней, суть которого я считаю смирение» [1, С. 237]. В

том же году он отправился на обучение в магистратуре Гарварда (защитится в Йенском университете), а в 1923 г. получил степень доктора наук в Лейпцигском университете. Прекрасное западное образование присовокупило к «языческим» взглядам новые элементы: «Он обратился к вере в гуманизм на 40 лет», — резюмирует литературовед Фэн Юй [9, С. 54].

В 1923 г. Линь Юйтан вернулся на родину и, будучи носителем гуманизма, радея об идеалах Просвещения, он активнейшим образом влился в культурные преобразования Китая: преподавал в лучших ВУЗах страны, участвовал в литературных кружках (например, «Юйсы» 语丝, — *нити слов* и др.), печатал статьи в местной периодике (как журнал «The China critic», «отличавшийся либеральной трактовкой» [2, С. 537]), с успехом открывал свои литературные журналы — «Лунь юй» (论语, в 1932 г.) и «Ветер Вселенной» (宇宙风, в 1934 г.). Он живо и бойко, несмотря на критику писателей «левого крыла», проповедовал о гуманистических началах, в первую очередь, через популяризацию юмора. Кульминацией данного периода можно считать его первую англоязычную книгу-бестселлер — «Китайцы. Моя страна и мой народ» (1935), где он опишет свои религиозные взгляды все же как языческие: «С моей точки зрения (христианина в прошлом, а ныне язычника) ...» [6, С. 38].

Мировая слава, финансовый достаток, академическое признание американских университетов — открыли ему возможность переезда в США в 1936 г. Оставление «языческого» Китая и проживание в регионах «христианского влияния» (около 30-ти лет) принесли свой религиозный плод: в 1958 г. 63-летний писатель вернулся к вере своего отца, приобщившись к Пресвитерианской церкви на Мэдисон авеню (Нью-Йорк). О главной причине данного решения он скажет: «Я вернулся в христианскую церковь скорее благодаря интуитивному восприятию своего нравственного существа, благодаря одному из тех «сигналов из глубины», в которых преуспевают китайцы» [1, С. 63].

В 1966 г. произошло возвращение писателя и на родину (ее «тайваньскую часть»), где его ожидал роскошный подарок от правительства Чан Кайши — просторный дом на склоне горы Янминшань. В саду этого дома (ныне — музей) он и был похоронен в 1976 г.; отпевание провел баптистский пастор с положением во гроб Библии.

Духовная автобиография автора «От язычника к христианину» переведена на китайский язык как «Путешествие веры» (信仰之旅), и по словам профессора философии П. Чичовачки это «серьезная книга, заставляющая углубиться в борения и рост его мысли. И она же раскрывает образ человека, страстно любящего жизнь» [8, С. 156]. Таков религиозный «фон» писателя: путь от «детского» религиозного опыта в христианской семье, через отторжение от Церкви в пору студенчества, переход в язычество и гуманизм в зрелости, к возврату в христианство в возрасте 63-х лет.

### 3.2. Кризис веры в студенческие годы

Если следовать хронологии в биографии Линь Юйтана, его отторжение от Церкви, по иронии, произошло в стенах «христианского» университета Св. Иоанна в Шанхае.

На первый взгляд, источником случившегося перелома напрашивается конфликт богословия и веры (набожности): рожденный и воспитанный в христианской среде, воспринявший «веру» как нечто живое, открытое и подвижное, писатель не смог смириться с сухим академизмом теологии, с ее замкнутостью, чопорностью и догматизмом. Он неоднократно замечает: «Богословие любого рода всегда умаляет силу и простоту учения Иисуса <...> Я говорю о том, что людям мешают познать Иисуса именно эти назойливые доктринеры, что их путаница в верованиях и догмах удерживала меня от христианства в течении тридцати лет, и что их богословие за пять и десять центов не позволяло мне увидеть Иисуса» [1, С. 230]. Негативное отношение к богословию проявляется у Линь Юйтана и после его возвращения в Церковь, он пишет: «Это аксиома, что по мере того, как человек становится все более и более богословским, он также становится все более и более фанатичным и все менее и менее набожным» [1, С. 193].

Несмотря на многочисленные авторские негативные ремарки о богословии, нами все же предполагается, что проблема состоит не в собственно теологии (как попытке человека объяснить ту или иную систему христианских взглядов). Мы считаем, что Линь Юйтан, напротив, за богословие, за ясное понимание и толкование учений. Его литературное творчество и академические труды красноречиво говорят о наклонности их создателя к постижению сути «предмета» обсуждений: конфуцианства ли, даосизма, буддизма, конечно, и христианства; даже сам его псевдоним — «Юйтан» (语堂) — работает в помощь этой нацеленности: предоставить «зал для бесед» (как можно истолковать связь данных иероглифов), дать возможность прозвучать разным точкам зрения, чтобы, обогатив знание, приблизиться к правде. Здесь можно сформировать главную методу и ядро-цель всей творческой активности писателя: через беседы, разговоры без манипуляций и принуждений, через обсуждение недостатков и преимуществ — узнавать истину; как замечает Н. А. Спешнев в предисловии к русскому изданию: «...как пишут исследователи его творчества: «Линь Юйтан стоял одной ногой в культуре Востока, другой — в культуре Запада, а душой стремился охватить творчество Вселенной» [6, С. 14].

Поэтому, применительно к богословию, писателю претит, конечно, не «предмет» обсуждений; проблема, на наш взгляд, случилась в неприятии им фанатичного отношения теологов к своему знанию: «Теологи были так уверены в себе; они хотели, чтобы их выводы были приняты как окончательные, запечатанные и заключенные в тюрьму на всю вечность. Конечно, я восстал <...> Эта высокомерность схоластического метода плюс догматический дух ранили мое внутреннее сознание» [1, С. 44]. Продолжая описание проблемы «высокомерности» человеческого разума, Линь Юйтан доводит ее до абсурда: «Многие догматы были неуместны и затемняли истину Христа. Благодаря процессу кодификации Павел знал больше, чем Петр, а отцы церкви четвертого века знали больше, чем Павел. По сравнению с их учениями, Иисус знал меньше всего» [1]. Иными словами, автор против фанатизма в богословии, против насаждения «культы богословия». В целом, данный протест явился очередным проявлением его «диалогично-устремленной» ментальности; автор принципиально против диктаторства и насаждения мнений, он порицает маниакальную уверенность человека в утверждении «моно» однообразия там, где априори допустим диалогизм и открытость для

общения. Линь Юйтан против фанатизма, в каких бы сферах оно ни проявляло себя: политике, национальности, культуре, религии.

Кроме того, если брать в расчет «детский» опыт веры писателя, его видение христианства в деревенском служении пастора-отца, в дальнейшем — наблюдения за жизнью в вере у своей супруги, его описания примеров веры в других людях, будь то крестьяне, пожилые, малообразованные, но верующие люди, Линь Юйтан утверждает, что набожность христианина не может и не должна определяться лишь знанием канонов веры, догматики и проч. По его мнению, христианство неотделимо от любви, оно исходит из любви и только поэтому (а не из-за багажа богословия) *«Христиане рождают христиан, а христианская теология — нет»* [1, С. 234].

По этой причине, в описании причин своего возвращения в Церковь, писатель упоминает не только малопонятные явления, как «интуитивное восприятие» или «сигналы из глубины», но очень много говорит о служении самого Христа, что оно было исполнено не богословия, а любви: *«Иисус основал Свою церковь без догм, исключительно на основе величественной силы любви, которую Он создал в Своих учениках. Эта сила непреодолимой любви учеников к Учителю была началом христианской церкви»* [1, С. 240]. Этот дух любви в конце концов и вернул Линь Юйтана в лоно христианства.

Таким образом, можно сказать, что студенческий кризис веры у писателя, хотя и возник в русле конфликта «богословие — вера», однако в результате исследования становится понятным, что Линь Юйтану претит не столько теология (наоборот — он за богословие), сколько фанатизм богословов, насаждение ими «культы богословия», а также утверждение примата познания в вопросах веры и набожности.

### 3.3. Истоки проблемы

В действительности, процесс исхода Линь Юйтана из Церкви начался задолго до его студенческой встречи с богословием. Духовная автобиография писателя открывает многие другие его мотивы отторжения, которые во многом связаны с неудачной направленностью деятельности большинства чужеземных миссионеров.

Во-первых, ошибка проповедников проявилась в агрессивном и ханжеском отношении к местным верованиям, в низвержении «культы предков» и насаждении «культы Христа»: *«Этот вопрос был основным и центральным, и он указывает на проблему того, как далеко может зайти бездумная Церковь, чтобы причинить вред своим верующим»*, — пишет Линь Юйтан [1, С. 36]. По его мнению, не было никакой необходимости запрещать китайским христианам исполнять эту традицию, поскольку в почитании предков мало истинно религиозной составляющей: оно не ставит целью обожествить почивших людей, не делает их равными Небу (Богу), но лишь является воплощением *«... почтения к прошлому и преемственности с прошлым, проявлением сильной и глубокой семейной системы и, следовательно, китайской мотивации к жизни»* [1]. Запрет «памяти предков» автоматически приводил христианизированных китайцев к потере своей культурной самости, к отрыву от своего национального корня.

Если говорить о практической части культа, то обращение к «душам предков», преклонение перед табличками с их именами, можно считать лишь выражением внимания к умершим родным, памяти о них, и тогда в этом акте оказывается не больше мистики, чем в христианском зывании к святым и прикладывании к их мощам (разве что, «иконопочитание» не путается с иконопоклонством»). Говоря же о собственно табличках, автор справедливо замечает: *«По сравнению с буйством изображений в некоторых христианских соборах, особенно в Италии и Франции, эти квадратные таблички с именами конкретных предков выглядят почти как работа какого-то лишенного воображения рационалистического духа. На них было меньше слов, чем на христианском надгробии»* [1].

Во-вторых, из сферы «религиозного» агрессия и ханжество распространились в область китайской культуры, явив себя в радикальной направленности Церкви против оной. Реальность и глубину данного противоборства Линь Юйтан понимает, став преподавателем университета, когда выяснилось, что *«любой китайский работник прачечной был лучше меня знаком с персонажами «Троецарствия». Еще в детстве я знал, что трубы Иисуса Навина разрушили стены Иерихона. Когда я узнал, что, обнаружив своего мужа мертвым во время призывных работ по строительству Великой Китайской стены, слезы Мэн Цзян растопили значительную часть стены, моя ярость была ужасной»* [1, С. 35]. Писатель рефлексировал: *«Мне не разрешали слушать старинные красивые истории, которые слепые менестрели Чанчжоу пели под аккомпанемент гитары. Эти слепые певцы <...> ходили ночью по улицам с колотушкой в руках и фонарем, и рассказывали волшебные истории и исторические романы древнего Китая»* [1]. Церковники видели в подобных проявлениях нехристианской культуры действие их «языческого корня», т.е. традиционных учений и верований, поэтому обращенным в христианство китайцам часто запрещалось изучать народное творчество; Линь Юйтан резюмирует: *«Меня лишили национального наследия»* [1].

В-третьих, участие Церкви в денационализации Китая проявилось в политическом поле — в ее неудачном взаимодействии с «христианскими» государствами-участниками Опиумной войны против Китая. Автор описывает героическую, но печальную судьбу чиновника Линь Цзэсюя (林則徐, 1785—1850): *«Из моего прославленного клана <...>, он сжег тюки с опиумом на пристанях Гуанчжоу и спровоцировал войну с опиумом, привозимым христианами»* [1]. Проблема заключалась в том, что иностранные миссионеры, в целях защиты от враждебно настроенных китайцев, активно прибегали к военной помощи своих держав, которые использовали призыв Церкви аргументом для ввода войск в Китай, а параллельно — и ввоза опиума. Не удивительно, что в глазах местного населения христианизация Поднебесной обретала вид не только ее колонизации, но и опиумизации, приводя к рождению антихристианских настроений, как пишет В. Г. Дацышен: *«Для Китая, одной из самых толерантных в религиозном отношении цивилизаций, борьба с христианством зачастую являлась внешним проявлением борьбы за независимость, за сохранение китайской национальной культуры»* [4, С. 102]. Исследователь Н. А. Мязин добавляет: *«Вследствие колониальной политики в Китае были сильны антизападные настроения, которые часто принимали антихристианский характер»* [7, С. 67].

Наконец, проблемы Церковной миссии в Китае в XIX–XX вв. в Китае обнаружили себя в сфере личных отношений писателя с иностранными служителями, среди которых ему так или иначе встречались те, кто трудился в

апостолате не столько ради эфемерной Божьей славы или счастья язычников, но ради получения конкретных, материальных, «земных» благ. Чувствуется боль автора в описании своего отца, который часто помогал иностранным проповедникам перевозить их многочисленные вещи, так что даже получал травмы: «Я до сих пор помню шрамы на плечах моего отца» [1, С. 17]. Также и другой отрицательный пример двух миссионерок: «Они никогда не любили китайских мальчиков и девочек, но служили им, я полагаю, в форме самоуничтожения перед Богом. Они произвели на нас плохое впечатление <...>. Они жили в высоком особняке с видом на море, с красивым пейзажем, и их обслуживали китайские кули-носильщицы паланкинов, повара и амы-прислуга. Сочетание христианского миссионерства и «белого престижа» было причудливым ...» [1, С. 233].

Суммируя данные ошибки, мы хотим обозначить их рамками конфликта «христианство — язычество»: многие иностранные миссионеры вели свою деятельность в Китае с определенной долей высокомерия, фанатизма и агрессии. Если в стенах университета Св. Иоанна в Шанхае юный Линь Юйтан столкнулся с фанатизмом преподавателей богословия, то зрелый он осознал проблематичность чужеземной религии по отношению к «языческому» в других измерениях: религиозном («культ Христа» против «культы предков»), культурном (в угнетении национального «христианским»), политическом (в столкновении «христианских» стран с Китаем в Опиумной войне), а также личном аспекте писателя (в его взаимоотношениях с иностранными проповедниками).

При виде вышеуказанных обстоятельств, отвержение христианства и выход из Церкви, — представляются логичным и естественным результатом в жизненном пути писателя; истоки же проблемы, как видится, берут начало еще в детстве Линь Юйтана.

### Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено, что восприятие Линь Юйтаном Церкви и христианства обнаруживает ряд особенностей.

Во-первых, он воспринимал данное учение не абстрактно, концептуально или книжно-теоретически, но предельно конкретно, эмпирически, «на деле», по всей видимости потому, что оно почти всегда теснейшим образом окружало писателя: в семье, где его бабушка по отцу была христианкой, сам отец — пастором, а супруга — благочестивой верующей и прихожанкой; на полях деятельности, где в преподавании и обсуждении им специфичности культур «языческого» Китая и «христианского» Запада им непременно шло и изучение их религиозно-философских основ; «географически» (территориально), что Линь Юйтан родился недалеко от крупнейшей «базы» миссионеров в наиболее христианизированном районе Цинского Китая, получил «христианское образование», жил в регионах «христианского влияния» — США, Германия Франция и др., и в конце был похоронен на о. Тайвань. Подобный религиозный «фон» не мог не играть своей роли в восприятии им учения Христа, что отличало его от других писателей Китая, будь то Лу Синь, Го Можо и даже Бин Синь, для которой «христианство играло заметную роль» [5, С. 91].

Во-вторых, говоря конкретно о его негативной оценке христианства и Церкви, можно выделить две коллизии, вокруг которых строятся авторские аргументы «против» — это конфликты: «богословие — вера» и «христианство — язычество».

Так, первое противостояние, хотя оно и дало толчок к открытому отвержению Линь Юйтаном «веры отца» и переходу к китайскому язычеству, открывает неприятие писателем не столько богословия, сколько радикального метода его насаждения с культивированием человеческого ума как первичного и наилучшего проявления веры; писатель против «культы богословия» в вопросах веры. Второй же момент — он более глубок и требует дальнейшей проработки, однако на основании герменевтического анализа его духовной автобиографии «От язычника к христианину» можно сделать предварительный вывод, что на раннем этапе своего религиозного пути Линь Юйтан выступает против агрессивного отношения чужеземного христианства к китайскому национальному — в религии, культуре, политике (подобное отношение, в целом, является проявлением «диалогично-устремленной» ментальности писателя). Изъяны же Церковной миссии в Китае в XIX–XX вв., как: мотивы денационализации, запрет «культы предков», лицемерие отдельных проповедников, провальная союз Церкви и «христианских» государства во время Опиумных войн и др., — привели писателя к естественному отторжению от Церкви и отвержению учения.

Опыт изучения Линь Юйтаном культурного наследия Поднебесной, превосходное «западное» образование, годы жизни на родине и за ее пределами, богатейшая кросс-культурная просветительская, писательская и педагогическая деятельность, — являют собой предмет отдельного исследования, которое должно проводиться с включением также исторических, философских и теологических дисциплин, где по-прежнему остается нерешенной проблема в области основы его мировоззрения, все же оказывающуюся «христианской» лишь на поверку книги-исповеди. Особенности авторского понимания Церкви и христианства, смысла религии, разницы между язычеством и христианством, все же наталкивают на некоторые сомнения в ортодоксальности его взглядов, исследование чего является перспективой для дальнейших работ.

### Конфликт интересов

Не указан.

### Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

### Conflict of Interest

None declared.

### Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

**Список литературы / References**

1. Lin Yu. From Pagan to Christian / Yu. Lin. — New York: Cleveland, 1959. — 264 p.
2. Гиргель Д.Н. Концепция уюмò «юмор» в творчестве Линь Юйтана / Д.Н. Гиргель // Общество и государство в Китае. — 2019. — Т. 49. — № 1. — С. 453–463.
3. Гиргель Д.Н. Либеральные интеллектуалы журнала «The China Critic» (1928–1946) о китайской культуре / Д.Н. Гиргель // Общество и государство в Китае. — 2019. — Т. 49. — № 1. — С. 531–539.
4. Дацзышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность / В.Г. Дацзышен. — Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. — 240 с.
5. Захарова Н.В. Христианские идеи и литературное творчество Бин Синь в первой четверти XX века. / Н.В. Захарова. // Встреча Востока и Запада. Взаимодействие литератур и традиций; под ред. А.С. Балаховской, М.Р. Ненароковой, Н.В. Захаровой — Улан-Удэ: ИМЛИ РАН, 2020. — С. 91–201.
6. Линь Ю. Китайцы: Моя страна и мой народ / Ю. Линь, пер. с китайского и предисл. Н.А. Спешнева. — Москва: Восточная литература, 2010. — 335 с.
7. Мязин Н.А. Особенности распространения протестантизма в Китае в XX–XXI вв.. / Н.А. Мязин // Вестник Брянского государственного университета. — 2024. — № 1 (59). — С. 66–76.
8. Чичовачки П. Линь Юйтан как мой жизненный ориентир / П. Чичовачки; пер. с англ. А.В. Скоморохова // Человек. — 2019. — Т. 30. — № 3. — С. 154–163.
9. 冯羽. 基督教与中国文化的对话——以林语堂《信仰之旅》为中心 / 冯羽 // 南京晓庄学院学报. — 2005年7月. — 第21卷. — 第4期. — P. 52–57.
10. 刘奕华. 诗性林语堂及其跨文化传播 / 刘奕华. — 北京: 社会科学文献出版社, 2017. — 273 p.
11. 施建伟. 施建伟谈枕边书 / 施建伟 // 中国作家网. — 2023. — URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2023/1108/c405057-40114056.html>. (访问时间: 23.12.2024)
12. 王兆胜. 林语堂与中国文化 / 王兆胜. — 北京: 社会科学文献出版社, 2007.
13. 陈平原. 在东西方文化碰撞中 / 陈平原. — 上海: 华东师范大学出版社, 2014.

**Список литературы на английском языке / References in English**

1. Lin Yu. From Pagan to Christian / Yu. Lin. — New York: Cleveland, 1959. — 264 p.
2. Girgel D.N. Kontsepsiya yōumò "yumor" v tvorchestve Lin Yuitana [The Concept of Yōumò "Humor" in the Work of Lin Yutang] / D.N. Girgel // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]. — 2019. — Vol. 49. — № 1. — P. 453–463. [in Russian]
3. Girgel D.N. Liberalnie intellektuali zhurnala "The China Critic" (1928–1946) o kitaiskoi kulture [The Views of Liberal Intellectuals of "The China Critic" (1928–1946) on Chinese Culture] / D.N. Girgel // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]. — 2019. — Vol. 49. — № 1. — P. 531–539. [in Russian]
4. Datsishen V.G. Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost [Christianity in China: History and Modernity] / V.G. Datsishen. — Moscow: Scientific and Educational Forum on International Relations, 2007. — 240 p. [in Russian]
5. Zaxarova N.V. Xristianskie idei i literaturnoe tvorchestvo Bin Sin' v pervoj chetverti XX veka [Christian ideas and literary works of Bing Xin in the first quarter of the twentieth century]. / N.V. Zaxarova. // Meeting of East and West. Interaction of literatures and traditions; edited by A.S. Balaxovskoj, M.R. Nenarokovoj, N.V. Zaxarovoj — Ulan-Ude': IMLI RAN, 2020. — P. 91–201. [in Russian]
6. Lin Yu. Kitaitsi: Moya strana i moi narod [Chinese. My country and my people] / Yu. Lin, transl. from Chinese and preface. by N.A. Speshnev. — Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. — 335 p. [in Russian]
7. Myazin N.A. Osobennosti rasprostraneniya protestantizma v Kitae v XX–XXI vv. [Features of the spread of Protestantism in China in the 20th–21st centuries]. / N.A. Myazin // Bulletin of Bryansk State University. — 2024. — № 1 (59). — P. 66–76. [in Russian]
8. Chichovachki P. Lin Yuitan kak moi zhiznennii orientir [Lin Yutang as my life's guide] / P. Chichovachki; translated from English by A.V. Skomorokhov // Chelovek [Human]. — 2019. — Vol. 30. — № 3. — P. 154–163. [in Russian]
9. Fen Yu. Jidujiao yu Zhongguo wenhuade duihua – yi Lin Yutang "Xinyang zhi lv" wei zhongxin [The Dialogue between Christianity and Chinese Culture, on the example of Lin Yutang's 'From Pagan to Christian'] / Yu. Fen // Nanjing Xiaozhuang xueyuan Journal [Journal of Nanjing University Xiao Zhuang]. — 2005. — Vol. 21. — № 4. [in Chinese]
10. Liu Yi. Shixing Lin Yutang ji qi kuawenhua chuanbo [The Poetics of Lin Yutang and His Intercultural Communication] / Yi. Liu. — Beijing: Academic Press of Social Sciences, 2017. — 273 p. [in Chinese]
11. Shi J. Shi Jianwei tan zhenbian shu [Shi Jianwei talks about his bedside book] / J. Shi // Zhongguo zuojiawang [Internet portal 'Chinese Writers']. — URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2023/1108/c405057-40114056.html>. (accessed: 23.12.2024). [in Chinese]
12. Wang Zh. Lin Yutang yu Zhongguo wenhua [Lin Yutang and Chinese Culture] / Zh. Wang. — Beijing: Social Sciences Academic Pres. 2007 [in Chinese]
13. Chen P. Zai dongxi wenhua pengzhuangzhong [The clash between Eastern and Western cultures] / P. Chen. — Shanghai: East China Normal University Press, 2014. [in Chinese]